

Б. П. Миловидов

ИСПАНСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ ВЕЛИКОЙ АРМИИ В РОССИИ: ДОЛГИЙ ПУТЬ НА РОДИНУ (АВГУСТ 1813 – СЕНТЯБРЬ 1815 г.)

Уже в самом начале Отечественной войны 1812 года были предприняты усилия по вербовке военнопленных – выходцев из германских государств, а также Испании и Португалии – с целью включения их в ряды войск антинаполеоновской коалиции. Наибольший успех имела попытка создания воинской части из испанцев и португальцев. Они в течение 1812 и первой половины 1813 г. концентрировались в Царском Селе, были обмундированы, приведены к присяге на верность законным государям, и из них сформировали Императорский Александровский полк¹.

30 июля 1813 г. в два часа по полудни большая часть полка была погружена в Кронштадте на английские суда, на которых им предстояло отправиться на родину. Россию покидали два штаб-офицера, семь обер-офицеров, 115 унтер-офицеров, 42 музыканта, 1866 нижних чинов и девять женщин. Всего 2 041 человек. Больше корабли союзников взять не могли². 3 августа английские суда вышли в море³.

С отправкой большей части Александровского полка из Кронштадта наступил новый период пребывания испанцев и португальцев в России. Согласно ведомости, представленной кронштадтским военным губернатором вице-адмиралом Ф. В. фон Моллером управляющему Военным министерством генерал-лейтенанту А. И. Горчакову, в Кронштадте остались три обер-офицера, 152 испанских нижних чина, рота португальцев (138 человек) и шесть женщин⁴. Кронштадт стал отныне основным местом сбора и пребывания оказавшихся в плену уроженцев Пиренейского полуострова.

Оставшимися в Кронштадте испанцами и португальцами по-прежнему заведовал майор Кексгольмского пехотного полка Розенкампф (в документах часто Ризенкампф), который сдал казармы в Софии (город, учрежденный в 1780 г. и расположенный по соседству с императорской царско-сельской резиденцией) обратно инженерному ведомству⁵. Командовал

испанскими и португальскими воинами испанский капитан Томас Передз. Заведовавшему же казармами в Кронштадте майору Дьячкову Горчаков поручил 4 августа отправиться в Царское Село, принимать там вновь прибывающие партии и отсылать их в Кронштадт. В связи с этим 5 августа Горчаков просил главнокомандующего в Санкт-Петербурге и управляющего Министерством полиции С. К. Вязмитинова предписать гражданским властям оказывать Дьячкову при транспортировке пленнх от Царского Села до Ораниенбаума всяческое пособие⁶. Дьячков сдал казармы Розенкампу и поутру 7 августа отправился в Софию. Там он принял от полковника Бикбулатова предназначавшиеся для испанцев и португальцев квартиры и казармы с посудой, а заодно узнал, что в д. Кузмино еще квартируют пленные испанцы. Дьячков потребовал от земского суда сдать испанцев ему, но дело затянулось из-за отсутствия земского исправника до 11 августа. Партия эта, прибывшая 4 августа, состояла из 48 человек (четыре офицера, 39 рядовых, три женщины и два малолетних мальчика). Этих пленнх Дьячков препроводил в Кронштадт 12 августа с коллежским регистратором Залевским, присоединив к ним прибывших накануне из Минска (один офицер, 157 рядовых и пять женщин)⁷. 14 августа Дьячков отправил через Красное Село и Ораниенбаум в Кронштадт с чиновником Слабицким и партию, прибывшую накануне из Житомира. Правда, в этой партии (численностью 31 человек) оказался один итальянец, который был отослан в царскосельский земский суд⁸. 17 августа в Царское Село прибыло сразу две партии испанцев и португальцев. Одна из Орла с подпоручиком Черниковым (один штаб-офицер, семь обер-офицеров, 83 рядовых и одна женщина), а другая из Калуги при унтер-офицере Кузмине (пять рядовых, одна женщина и трое малолетних). В первой партии один обер-офицер и 10 рядовых оказались вестфальцами, которых Дьячков отправил также в земский суд. Остальные же 19 августа двинулись в Кронштадт⁹. Кроме того, 21 августа в Софию были приведены унтер-офицером новгородского внутреннего гарнизонного батальона Нестеровым пруссаки (31 человек), которых Дьячков временно, до решения исправляющего должность дежурного генерала полковника И. Л. Трунина, разместил в местных казармах¹⁰. Этих пруссаков, прибывших из Оренбурга, Вязмитинов 25 августа предписал сдать в ведомство санкт-петербургского гражданского губернатора¹¹.

18 августа тамбовским дворянином Петровым была доставлена в Кронштадт партия в 150 человек (130 испанцев и 20 португальцев)¹². Как сообщил Горчакову Моллер, 15 августа в Кронштадт из Ораниенбаума прибыли испанцы и португальцы из Минска (три обер-офицера, 28 унтер-офицеров, 199 рядовых и 10 женщин)¹³. 21 августа прибыла партия, кото-

рую конвоировал Черников; она насчитывала к этому моменту одного штаб-офицера, шесть обер-офицеров, 88 нижних чинов, двух женщин, двух мальчиков и одну девочку¹⁴.

О перемене места сбора испанцев не были своевременно поставлены в известность даже власти Санкт-Петербургской губернии. О том, как поступать с прибывающими пленными испанцами и португальцами в связи с уходом Александровского полка из Царского Села, петербургский гражданский губернатор запрашивал Горчакова 29 июля, 5 и 8 августа. К этому времени в Царкосельский уезд были доставлены четверо пленных испанцев, вышедших 26 июля из Нарвы (их прислал туда рижский гражданский губернатор). Туда же прибыла и группа испанцев и португальцев из Смоленска (четыре обер-офицера, 33 нижних чина, три женщины и два ребенка)¹⁵. Когда Вязмитинов передал губернатору содержание отношения Горчакова, неизвестно. Но 11 августа управляющий Военным министерством сам сообщил санкт-петербургскому гражданскому губернатору о перемене места назначения испанцев и португальцев¹⁶.

Еще 19 августа нарвский комендант генерал-майор М. Н. Ефимович, сообщая об отправлении доставленных в Нарву сухим путем из Риги и на кораблях из Пиллау пленных испанцев (шесть мужчин и одна женщина с дочерью), указывал в качестве конечного пункта их движения Царское Село¹⁷.

Следует отметить, что для властей более отдаленных мест все эти нюансы были неважны. Местом отправления пленных для них (согласно прежним предписаниям Вязмитинова) был Петербург. В таком же ключе давал распоряжения и сам Горчаков, предписавший витебскому гражданскому губернатору 24 июля доставить в Петербург испанцев и португальцев, входивших в отряд подполковника В. И. Дибича. В итоге 26 августа четыре офицера и 162 нижних чина, служивших у Дибича, двинулись из Витебска в столицу. Впрочем, еще двое нижних чинов остались в госпитале, но зато к партии были присоединены трое выздоровевших испанцев, бывших ранее в партии, которая двигалась из Чернигова¹⁸. На тот случай, если строптивый Дибич не выполнит приказ об исключении испанцев и португальцев из своего отряда и отошлет их в Орел, его формальному начальнику, командовавшему орловскими легионами из пленных генералу К. М. Герздорфу, было предписано все равно отправить их в столицу¹⁹.

Орловский губернатор, отвечая на требование Горчакова от 12 июля об отправлении пленных испанцев и португальцев в Царское Село, писал 30 июля, что в соответствии с предписаниями Вязмитинова от 15 ноября 1812 г. он отправлял испанцев в Петербург 2 января 1813 г. с дворянским чиновником Сомовым (одного обер-офицера, 162 нижних чина и двух жен-

щин) и 13 июля с дворянским чиновником подпоручиком Черниковым, о прибытии которых упоминалось выше. Теперь же губернатор обещал, что остающихся больных испанцев он отправит по выздоровлении именно в Царское Село²⁰.

8 сентября в Кронштадт были доставлены прибывшие 4 сентября в Царское Село из Архангельска 33 рядовых испанца и португальца (под присмотром унтер-офицера Архангельского гарнизонного полка Топоркова). 4 сентября прибыли к Дьячкову и трое вестфальцев из Новгорода, которые, как и прежние, были переданы в земский суд²¹. 19 сентября из Царского Села прибыла в Кронштадт партия из 74 пленных, приведенных из Новгорода унтер-офицером тамошнего гарнизонного батальона Кузьмой Ивановым²². 3 октября Дьячков отправил в Кронштадт прибывшую с прапорщиком Козловским из Витебска партию из четырех обер-офицеров (поручики Карлос Мшено и Петр Гернандец и подпоручики Пауль Вегш и Иозеф Саншес) и 166 нижних чинов²³. 4 ноября Горчаков просил министра морских сил адмирала И. И. Траверсе отправить в Кронштадт по воде 34 прибывших испанцев, временно расквартированных «около Невского монастыря»²⁴. Они были переданы в распоряжение Дьячкова 3 ноября от петербургского гражданского губернатора, 5 ноября к нему же был доставлен один испанец от петербургского земского суда, а 7 ноября прибыли при унтер-офицере витебского внутреннего гарнизонного батальона Гордееве пять испанцев и одна женщина из Витебска. Все они также были 9 ноября доставлены в Кронштадт²⁵.

Во время нахождения испанцев и португальцев в Кронштадте власти по-прежнему продолжали заниматься снабжением вновь прибывших одеждой и снаряжением. Так, 21 августа Горчаков предписал Комиссариатскому департаменту озаботиться заготовлением 300 комплектов обмундирования, включая сапоги, шинели и рубашки²⁶. В рамках этого заказа, согласно требованию испанского уполномоченного и (с конца 1812 г.) генерального консула Ф. Зеа Бермудеса, нужно было пошить 266 солдатских и 34 офицерских мундиров, 300 панталон, 30 шинелей, 30 шаровар плотного фламского сукна, волосяные перья для 34 унтер-офицеров и 50 гренадер, эполеты на 34 унтер-офицеров, 600 сапог, а кроме того на каждого из 300 человек бант из красного канцелярного сукна, фуражку, галстук, рукавицы, ранец и по три рубашки²⁷. А 12 октября управляющий Военным министерством приказал изготовить еще 200 комплектов обмундирования²⁸. 24 сентября Горчаков предписал отпустить на остававшихся в Кронштадте испанцев и португальцев три барабана и три флейты, а 4 ноября еще шесть барабанов и четыре флейты²⁹. 26 ноября от Горчакова последовало предписание Артиллерийскому департаменту отпустить для испанцев

100 «инфантерийских тесаков»³⁰. Наконец 12 декабря Горчаков приказал построить мундиры «со всеми принадлежностями» для четверых находящихся в Кронштадте испанских офицеров и одного тамбур-мажора. Об исполнении этого приказа «на прежнем основании» было дано предписание комиссии петербургского комиссариатского депо³¹. Такая формулировка, очевидно, предполагала, что исполнителем будет «строивший» ранее мундиры купец В. Патюков, и действительно, 3 февраля 1814 г. комиссия донесла Комиссариатскому департаменту об уплате Патюкову за пять офицерских мундиров 3 648 руб.³²

Отправка испанцев из Кронштадта продолжалась вплоть до окончания навигации. 26 августа Моллер сообщил Горчакову о прибытии двух английских транспортных судов под командованием капитана Гиля, которым предстояло забрать оставшихся на тот момент в Кронштадте испанских и португальских подданных³³. В итоге 5 сентября три обер-офицера, 56 унтер-офицеров, 17 музыкантов, 693 рядовых и 19 женщин покинули российскую землю и на следующий день вышли в море³⁴.

Как следует из отношения Горчакова к главнокомандующему в Санкт-Петербурге от 10 сентября, в Кронштадте на тот момент остались только «несколько португальских офицеров и других людей разного звания и чинов», которые не присягнули на верность своему принцу-регенту. Управляющий Военным министерством предлагал передать их полиции, перевести на положение военнопленных и отправить, куда Вязмитинов рассудит «за благо», пока португальский поверенный в делах не получит согласия своего правительства на возвращение этих лиц на родину³⁵. 12 сентября управляющий Министерством полиции сообщил, что отправит не присягнувших португальцев в Вологду³⁶.

Следует отметить, что португальцы были настроены в целом более пронаполеоновски, чем испанцы. Так, по донесению тамбовского гражданского губернатора, при отправлении в Царское Село пленных португальцев бригадный генерал Ф. А. Фрейр-Пего, подполковник Суза, капитан Дасис и поручик Родригес объявили, что они не желают возвращаться в отечество, а «остаются в России французскими военнопленными потому что они присягнули на подданство Франции и что затем якобы не могут быть подданными Португалии». Их соответствующее письмо тамбовскому губернатору датировано 10 августа 1813 г. по новому стилю. В результате Вязмитинов 23 августа направил донесение императору Александру I, который 4 сентября повелел содержать этих лиц «как военнопленных французов, дав знать о сем обстоятельстве через канцлера португальскому поверенному в делах»³⁷.

Строптиво вели себя и другие португальские офицеры. Так, Горчаков узнал, что «начальство над португальцами в Кронштадте» самовольно, без разрешения Военного министерства и испанского чрезвычайного посланника и полномочного министра (Э. де Бардахи-и-Асара, в русских документах часто фигурировавшего как Азарра Бардахи) принял на себя португальский офицер Миранда. В связи с этим 26 августа управляющий Военным министерством просил Моллера немедленно выслать его к португальскому поверенному и, «дабы впредь не могло быть подобного... самоуправства» доставить именной список всем испанским и португальским офицерам³⁸. Через два дня Моллер сообщил об исполнении просьбы Горчакова. В представленном им списке насчитывалось 14 офицеров (в том числе девять португальских), но только трое из них (испанцы поручик Томас Передз, подпоручик Антоний Мена и прапорщик Франциско Дифорой) были признаны в своих чинах испанским министром³⁹. К Миранде никаких санкций применять не стали. Конфликт решили не раздувать, и ему было выдано разрешение отправиться на родину на одном из купеческих судов, следовавших из Кронштадта в Лиссабон⁴⁰.

В итоге испанский полномочный министр обратился с просьбой разрешить Зеа Бермудесу отправлять испанцев и португальцев в отечество на купеческих судах. Горчаков дал согласие и сообщил об этом 24 сентября Моллеру⁴¹. Впрочем, оперативно воспользоваться такими возможностями удавалось не всегда. Так, 2 октября испанский уполномоченный попросил отправить на отплывающем в Лондон фрегате четверых испанцев, находившихся под арестом «за ослушание начальства». В британской столице их предполагалось передать испанскому министру. Однако 5 октября Траверсе сообщил Горчакову, что фрегат, о котором писал Зеа Бермудес, вышел из Кронштадта две недели назад⁴². В итоге испанский министр попросил перевести арестантов из Кроншлотского замка в городскую тюрьму Кронштадта и содержать там под надзором «начальника гишпанских войск Томаса Переза» до тех пор, пока он не «найдет их исправившимися в поведении своем и сочтет достойными возвращения в отечество»⁴³.

Наступление нового 1814 г. не принесло особых перемен для находившихся в России испанцев и португальцев.

В ответ на запрос Вязмитинова от 22 января, куда следует отправить присланных в Ригу из Гродненской губернии пленных испанцев (одного офицера и 19 нижних чинов), Горчаков сообщил, что всех прибывающих из внутренних губерний испанцев и португальцев следует отправлять в Кронштадт⁴⁴, который по-прежнему был местом сосредоточения пленных с берегов Эбро на территории Российской империи. 28 января в Крон-

штадт были доставлены из Орла дворянским чиновником Левским и сданы Розенкампфу еще один обер-офицер и 19 нижних чинов испанцев и португальцев⁴⁵. И в тот же день из петербургского ордонанс-гауза в распоряжение Трунина был передан привезенный из Новгорода испанец Дио Рок⁴⁶. 15 февраля из Пскова в Софию в распоряжение майора Дьячкова прибыли 12 испанцев-мужчин и одна женщина, на следующий день ему были переданы также два человека из Царскосельского земского суда, а 21 марта еще три испанца, доставленные из Смоленска. Все эти люди были направлены в Кронштадт⁴⁷. А 13 марта пришли наконец упомянутые выше пленные из Риги, правда, число нижних чинов, вероятно с учетом заболевших в пути, было на два человека меньше⁴⁸.

Главными вопросами, которыми приходилось заниматься российским властям в связи с расквартированием испанцев и португальцев в Кронштадте, были соблюдение режима и снабжение их денежным довольствием и одеждой. Так, Горчаков 3 марта 1814 г. обратился по ходатайству испанского полномочного министра к Моллеру с просьбой, чтобы тот выдавал билеты на проезд в Петербург и обратно на четыре дня тем офицерам, которым Т. Передз разрешит подобный вояж. То же касалось и нижних чинов, которых Передз мог отправлять в столицу с различными поручениями⁴⁹.

16 марта Зеа Бермудес обратился к Горчакову с просьбой выдать содержание испанским офицерам по 1 апреля в сумме 2 147 руб., а также сделать предписание о пошиве одного офицерского и 20 солдатских мундиров «со всею к ним принадлежностью» (т.е. с шинелями, сапогами и рубашками)⁵⁰. А 13 мая 1814 г. Горчаков на основании сношения с испанским министром предписал построить для испанцев еще один обер-офицерский и 40 солдатских мундиров⁵¹. О выполнении этого заказа купцом Патюковым и уплате ему 3 954 руб. 40 коп. Комиссия комиссариатского депо донесла 10 июля 1814 г.⁵²

Сконцентрированных в течение зимы в Кронштадте испанцев перед отправкой на родину следовало привести к присяге. Чрезвычайный посланник и полномочный министр Азарра Бардахи и генеральный консул Зеа Бермудес предложили Горчакову провести эту церемонию 18 мая. В связи с этим 16 мая Горчаков попросил подготовить в Ораниенбауме для перевозки дипломатов в Кронштадт два катера, а также рекомендовал Розенкампфу снестись по поводу организации присяги с Передзом. Процедура присяги «законному государю Фердинанду VII» должна была проходить так же, как и в предшествующем году в Царском Селе. А для облегчения взаимодействия испанского министра с местными властями в Кронштадт особо были откомандированы камер-юнкер князь И. А. Лобанов-Ростовский

и поручик Темяшев⁵³. 19 мая Лобанов-Ростовский отправил Горчакову рапорт о состоявшейся накануне церемонии присяги. «Отряд, до 400 чел. простирающийся, поставлен был в 10 утра во фронт на площади против казарм и где устроен был на сей случай алтарь». По прибытии Азарра Бардахи состоялось католическое богослужение, затем Зеа Бермудес прочел «некоторые из важнейших статей новой конституции гишпанского народа», после чего посланник спросил испанцев, желают ли они присягать Фердинанду VII. «Троекратное „Клянемся!“ обнаружило восторг их о возвращении к законной власти». А после этого Азарра Бардахи говорил «к войску речь об обязанностях истинных сынов отечества к государю своему и к властям, от него поставленным». Затем весь отряд коленопреклоненно произнес присягу и, построившись повзводно, продефилировал перед алтарем с криками «Да здравствует Фердинанд VII!», «Да здравствует гишпанская конституция!», «Да здравствует великодушный Александр!»⁵⁴. Монархический крен в описании церемонии очевиден, конституция упомянута лишь мельком.

После торжественной церемонии присяги вновь потянулись будни. В мае в артиллерийском госпитале выздоровел испанский солдат Пипедо и Зеа Бермудесу пришлось хлопотать о присоединении его к соотечественникам, находящимся в Кронштадте⁵⁵. 15 июня туда была доставлена партия в 15 испанцев из Витебска⁵⁶. 9 июля Горчаков предписал отпустить 2 147 руб. на жалование испанским и португальским офицерам по 1 июня⁵⁷. 9 сентября он повелел выдать офицерам такую же сумму по 1 сентября⁵⁸. 14 июля Моллер сообщил о выданном им разрешении отправиться на четыре дня в Петербург из Кронштадта капитану «Испанско-Александровского полка» Микелю Кастро и рядовому Фернандесу Франциско⁵⁹.

11 ноября Вязмитинов проинформировал Горчакова о прибытии в столицу из Оренбурга партии пленных испанцев и португальцев (пять оберофицеров и 97 нижних чинов) под присмотром прапорщика Уфимского гарнизонного батальона. Временно пленники были размещены в фуражном дворе лейб-гренадерского полка за Калинкиным мостом⁶⁰. В тот же день Горчаков предписал Розенкампфу принять эту партию под свое командование и разместить в Кронштадте, а морского министра просил срочно – поскольку опасались внезапного ледостава – предоставить для перевозки пленных судно⁶¹. Однако Траверсе к этому времени уже велел прекратить с Кронштадтом сообщение по воде и вытащить суда на берег. Он объяснил это «противным» ветром и опасностью замерзания кораблей во льду. В качестве выхода из создавшегося положения он предложил отправить партию пленных в Ораниенбаум, откуда доплыть до Кронштадта «по краткости расстояния» было еще возможно⁶². Согласившись с предложением Траверсе,

Горчаков просил его приготовить суда в Ораниенбауме к 15 ноября⁶³. Одновременно с трудностями транспортировки прибывшей партии пленных неожиданно возникла еще одна проблема. 12 ноября Зеа Бермудес сообщил Горчакову о том, что между прибывшими испанцами и португальцами «водворился дух несогласия», и просил, заручившись поддержкой португальского поверенного в делах, не отправлять португальцев в Кронштадт, а разместить их в Царском Селе или в Ораниенбауме⁶⁴. Как видно из написанного на следующий день отношения управляющего Военным министерством к управляющему Министерством полиции, португальцы «от известной преданности их к Наполеону, неоднократно в продолжении пути изъявленной» могли оказать вредное влияние на испанцев. Поэтому Горчаков просил Вязмитинова предписать полиции, чтобы та по приводе партии в Ораниенбаум сдала португальцев командиру лейб-гвардии гарнизонного батальона полковнику А. Д. Гордееву, под надзором которого они должны были оставаться до открытия навигации. Испанцев же следовало сдать в Кронштадте Розенкампу⁶⁵. Соответствующее предписание Горчаков 13 ноября дал и Гордееву (речь шла о трех португальских офицерах, двух унтер-офицерах и неназваном числе рядовых)⁶⁶. Как сообщил 16 ноября Розенкамф, накануне в Кронштадт были переправлены 86 испанских нижних чинов⁶⁷. Португальцев же, оставленных в Ораниенбауме, согласно рапорту Гордеева от 19 ноября, было пять офицеров (т.е. все офицеры оренбургской партии) и 11 нижних чинов. Такое же число португальцев приводится и в рапорте Моллера от 16 ноября⁶⁸. Однако Горчаков 18 ноября предписал Комиссариатскому департаменту отпустить жалование лишь на трех португальских поручиков⁶⁹. Только о трех офицерах идет речь и в предписании Горчакова Гордееву от 26 ноября. В этом же документе сообщается и об отданном предписании Инженерному департаменту по поводу отопления и освещения помещений для пленных⁷⁰.

Прибытие партии пленных из Оренбурга и наступление холодов вновь поставило вопрос об одежде пленных. 12 ноября Зеа Бермудес сообщил Горчакову, что для них, а также для находящихся в Кронштадте испанцев необходимо 120 мундиров, 300 шинелей, 200 пар суконных панталонов и 600 пар сапог. По мнению испанского уполномоченного, испанцы в Кронштадте имели в теплой одежде «крайнюю нужду»⁷¹. И 14 ноября Горчаков отдал Комиссариатскому департаменту предписание об отпуске по согласованию с Розенкампом требуемых вещей⁷². Однако немедленно поставить все необходимое не удалось, и 26 ноября князь Лобанов-Ростовский сообщил начальнику 1-го отделения Комиссариатского департамента генерал-майору Н. И. Аникину о том, что Зеа Бермудес просит ускорить до-

ставку мундиров, ибо «мороз настает русский и гишпанцам не по нутру»⁷³. В результате 3 декабря, после дополнительного объяснения с консулом, Комиссариатский департамент предписал петербургской комиссариатской комиссии отпустить испанцам шинели, которые имелись в наличии, и «как можно поспешнее» приготовить прочие вещи⁷⁴.

5 декабря Вязмитинов запросил Горчакова, на каких основаниях следует довольствоваться размещенных в Ораниенбауме 11 португальских нижних чинов⁷⁵. Горчаков сообщил, что этих людей, как не присягнувших законному государю, следует считать военнопленными «до размену», и содержать их должно петербургское гражданское начальство⁷⁶. Вязмитинова однако такая позиция военного ведомства смутила, поскольку он счел ее противоречащей высочайшему повелению от 10 апреля 1814 г., объявленному А. А. Аракчеевым, о возвращении всех пленных в отечество⁷⁷. В ответе, датированном 16 декабря, управляющий Военным министерством напомнил историю появления португальцев в Ораниенбауме, отметив, что они принадлежат к отряду в Кронштадте и могут быть отправлены на родину только на транспортных судах по согласованию с Зеа Бермудесом. Впрочем, Горчаков выражал готовность взять их на содержание своего ведомства⁷⁸. Воспользовавшись этим, Вязмитинов предпочел, дабы не нарушать волю императора, снять с себя ответственность за содержание португальцев, передав этот вопрос военному начальству. И 24 декабря Горчаков дал соответствующее предписание Провиантскому департаменту о выплате португальцам по 25 коп. в сутки. Свою позицию он подкреплял ссылкой на императорскую волю, согласно которой содержание пленных испанцев и португальцев было поручено именно его попечению⁷⁹. Надо отметить, что предписанием самого Горчакова от 12 мая 1813 г. содержание пленных испанских нижних чинов было увеличено до 30 коп. в сутки⁸⁰.

В течение 1814 г. постепенная репатриация испанцев и португальцев продолжалась. 11 июня Горчаков по просьбе португальского поверенного и с согласия испанского посланника дал разрешение двум португальским офицерам отправиться из Кронштадта на португальских судах «Транте» и «Амизаде»⁸¹. 25 июля английский вице-консул в Кронштадте получил предписание английского посла (точнее, секретаря посольства) лорда Г. Уолпола посадить на прибывший английский фрегат 70 испанцев. Помощь в переправке пленников из карантина на судно должен был оказать Моллер⁸², и, как информировал 28 июля Розенкамф полковника Трунина, один обер-офицер и 70 нижних чинов покинули Россию⁸³. 6 августа Моллер сообщил, что на судне «Амизаде», очевидно вновь зашедшем в российские воды, по согласованию с португальским экспедитором в Кронш-

тадте Фигаредо он разрешил отправиться в отечество трем португальским рядовым (Жоакимо Жозе, Жоао до Кармо и Жоао Антонио)⁸⁴.

Однако англичане предоставить необходимое для отправления всех испанцев и португальцев число судов не могли. В связи с этим 8 (20) сентября Азарра Бардахи попросил Горчакова для отправления испанцев на родину выделить одно или два российских судна. Управляющий Военным министерством лично снесся с морским министром, который, однако, заявил, что снаряжение и вооружение двух судов потребовало бы слишком больших издержек со стороны казны, в связи с чем просьба испанского дипломата была отклонена⁸⁵. В этих условиях единственным способом возвращения испанцев на родину была отправка их незначительными партиями на частных судах. Именно с этим связано и отношение Горчакова к Моллеру от 27 октября, в котором управляющий Военным министерством просил кронштадтского военного губернатора не возражать против отправления пленных на купеческих союзных судах при наличии соответствующих представлений Передза⁸⁶.

Тем не менее часть испанцев продолжала оставаться в Кронштадте и в 1815 г. Так, 14 января 1815 г. Зеа Бермудес попросил о выплате испанским офицерам вновь 2 147 руб, что свидетельствует о неизменности их численности. Однако из-за отсутствия денег в Комиссариатском департаменте Горчаков приказал произвести эту выплату только 31 марта⁸⁷.

8 мая 1815 г. Горчаков удовлетворил просьбу Зеа Бермудеса – отпустить из Кронштадта и позволить «употребить на две недели 15 человек гишпанцев на даче графини Коломби», находившейся под Петербургом у с. Мурино⁸⁸. Просьба эта, кажущаяся на первый взгляд необычной, на самом деле таковой не являлась – речь шла о помощи вдове умершего в 1811 г. генерального консула Испании в Петербурге Антонио Коломби.

Некоторые испанцы покидали Кронштадт и без санкции российских властей. Так, Розенкампф донес Горчакову 8 мая 1815 г., что накануне двое нижних чинов (Сильвестр Берга и Юган Солер) отлучились из казарм. Поиски их результатов не дали, и военное начальство решило, что они отправились на родину на купеческих кораблях⁸⁹. Согласно другим данным, скрылись четыре человека. В связи с этим кронштадтский военный губернатор отдал строжайшее предписание командирам внутренней и дальней брандвахты следить за тем, чтобы беглые испанцы не могли покинуть на иностранных судах российские воды. В случае обнаружения их следовало немедленно задержать. Кроме того, по требованию Горчакова Моллер предписал полиции объявить английскому вице-консулу и «экспедиторам других наций», чтобы они не осмелива-

лись брать на суда испанских солдат без разрешения властей и соответствующего билета под угрозой штрафа в 50 ефимков за человека⁹⁰.

6 августа Зеа Бермудес направил Горчакову ноту, в которой он сообщает о безуспешности своих попыток добиться от англичан присылки за испанцами судов, а также невозможности прибытия их из Испании. В связи с этим генеральный консул предложил отправить бывших в плену соотечественников на родину на купеческих судах за свой счет и просил лишь выплатить им на путевое продовольствие 26 тыс. руб. Эта сумма, по словам дипломата, не составляла даже трети расходов, которые понесла бы российская сторона, если бы находившиеся в Кронштадте 400 испанцев остались там на зиму (это была бы уже их четвертая зима в России). Отдельным пунктом Зеа Бермудес просил выплатить жалование начальнику отряда⁹¹. Горчаков согласился с этим предложением и уже 9 августа предписал Комиссариатскому департаменту выделить испанцам, уже помещенным в карантин, 25 (так!) тыс. руб. ассигнациями, обещав также решить вопрос о выдаче жалования офицерам⁹². 12 августа генеральный консул представил расчет на выплату жалования Передзу и состоявшему при отряде лекарю. Всего им за период с 1 января по 1 ноября 1815 г. (включая двухмесячное жалование на путевые издержки) причиталось 2 500 руб.⁹³ Обещанные 25 тыс. отпускались по предписаниям Горчакова двумя траншами: 10 тыс. руб. 18 августа и 15 тыс. 23-го. Предписание о выдаче Передзу и лекарю обещанного жалования датировано 27 августа⁹⁴.

3 сентября Горчаков сообщил Моллеру о предстоящем в ближайшее время отправлении испанцев на родину, просил обеспечить их свободный отъезд и принять меры для «удобнейшего посажения на суда»⁹⁵. По донесению Розенкампа от 13 сентября, испанцы в количестве двух обер-офицеров, 32 унтер-офицеров, 12 барабанщиков и 337 нижних чинов (всего 383 человека) были размещены на трех прусских купеческих судах⁹⁶. Кронштадтский комендант в рапорте от того же числа приводит несколько иную цифру (на одного унтер-офицера и двух нижних чинов меньшую)⁹⁷. И наконец Моллер в рапорте Горчакову от 15 сентября сообщает, что на прусское судно «Фридрих Вильгельм» посажен Передз и 127 нижних чинов, на прусское судно «Астреа» – лекарь Гернандес и 132 нижних чина и на мекленбургское «Клейн София» – 119 нижних чинов, т.е. всего 379 человек. Все три корабля отплыли 14 сентября в Испанию, оставив в кронштадтском госпитале трех больных нижних чинов, один из которых в день отплытия его товарищей умер⁹⁸. Другой больной, рядовой Франциско Саншев, выписался из госпиталя 30 сентября. 13 декабря Моллер сообщил Горчакову, что он довольствуется сухопутным провиантом, получает

из личных денег кронштадтского коменданта по 25 коп. в сутки, жалуется на недостаток средств и просит отправить его в Петербург к Зеа Бермудесу. Военный губернатор предлагал выплачивать Саншеву деньги из казны, а потраченные комендантом средства возместить. Третий больной на момент подачи Моллером рапорта продолжал оставаться в госпитале⁹⁹. Дальнейшая судьба этих бывших солдат Наполеона нам неизвестна.

Несколько слов следует сказать и о размещенных в Ораниенбауме португальцах. Власти вынуждены были заниматься всем кругом вопросов, связанных с их денежным содержанием, вещевым довольствием и режимом передвижения.

Так, 1 февраля командир лейб-гвардии гарнизонного батальона сообщил Горчакову, что португальский капитан Антонио-Гамыш де Сильва Вилар просит разрешить ему поездку в Петербург к португальскому министру¹⁰⁰.

3 марта португальский поверенный в делах обратился к Горчакову с просьбой о производстве пяти находящихся в Ораниенбауме португальским офицерам (капитан и четыре подпоручика) и солдатам содержания наравне с испанцами, размещенными в Кронштадте (устная договоренность об этом была достигнута еще раньше). Тогда же поверенный просил и о постройке двух офицерских мундиров. Соответствующие предписания управляющий Военным министерством отдал Комиссариатскому департаменту и Гордееву уже на следующий день¹⁰¹. Однако в предписании Горчакова от 6 июля 1813 г. оклад жалования испанским подпоручикам указан не был, в связи с чем Комиссариатский департамент предложил платить находящимся в Ораниенбауме подпоручикам как поручикам, т.е. 86 руб. в месяц. Соответствующая санкция управляющего Военным министерством была получена 24 марта¹⁰². Однако мартовское распоряжение Горчакова об уравнивании в содержании испанцев и португальцев своевременно выполнено не было, и 16 мая 1815 г. португальский поверенный обратился к нему повторно. В итоге управляющий Военным министерством предписал в июне Комиссариатскому департаменту доплатить португальским нижним чинам деньги, приняв в расчет полагавшиеся испанцам дополнительные 5 коп. в сутки, и выдать португальским офицерам за тринадцать с половиной месяцев такое же жалование, как и испанским¹⁰³.

16 июня португальский поверенный обратился к Горчакову с просьбой разрешить отправку португальцев на родину на частных купеческих судах и получил на это согласие¹⁰⁴. Договоренности с купцами, очевидно, были достигнуты, и в соответствующем предписании Комиссариатскому департаменту Горчаков говорит об отъезде за границу капитана и одного поручика, предлагая оставшимся выплатить жалование с 1 июня по 15 июля.

Однако поверенный 3 июля обратился, ссылаясь на предшествующую практику, к управляющему Военным министерством с просьбой о выплате отъезжающим месячного жалования на дорогу¹⁰⁵. Имеется расписка португальского офицера в получении им и его товарищами жалования по 15 июля (387 руб.), датированная 27 августа¹⁰⁶. А 8 сентября Гордеев донес Горчакову, что все находившиеся в его ведении португальцы (пять обер-офицеров и 11 нижних чинов) были отправлены из России «в разные месяцы и числа» на купеческих судах¹⁰⁷. Подпоручику Киселеву, осуществлявшему непосредственный надзор за португальцами, в связи с «прекращением ныне» его функций Горчаков предписал выразить свою «истинную признательность»¹⁰⁸.

С учетом того, что большая часть испанцев и португальцев, выживших в русском походе и оказавшихся в плену, согласились вступить в Александровский полк и сражаться против императора французов, создание этой части было, пожалуй, самой успешной акцией российского правительства по привлечению пленных Великой армии на сторону антинаполеоновской коалиции. Однако практический военный эффект от этого был нивелирован тем, что трудности невольного путешествия по России и отсутствие должного количества судов привели к тому, что отправку бывших пленных из Кронштадта удалось начать только в августе–сентябре 1813 г., т.е. в большинстве сражений на Пиренейском полуострове они принять участия уже не смогли. Кроме того, отправленные в 1813 г. из Кронштадта 2 773 человека составляли примерно 85 % пленных, репатриация остальных затянулась до сентября 1815 г. Похожая ситуация сложилась и в Мемеле – еще одном пункте сбора испанских и португальских пленных. В течение мая – июля 1813 г. на родину оттуда отплыли 785 человек¹⁰⁹, и на август 1814 г. оставалось еще 595 человек¹¹⁰. В этих условиях эффект от создания Александровского полка был все же в большей степени пропагандистского и дипломатического, нежели военного свойства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подр.: *Миловидов Б. П.* Испанские военнопленные Великой армии в России: на пути в Царское Село // Бородино и освободительные походы русской армии 1813–1814 годов: Материалы Междунар. науч. конф., 3–6 сентября 2014 г. Бородино, 2015. С. 397–416.

² РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 146–148, 154.

³ Там же. Л. 152.

⁴ Там же. Л. 148.

- ⁵ Там же. Л. 143.
- ⁶ Там же. Л. 149; Ф. 29. Оп. 14. Д. 89. Л. 4.
- ⁷ Там же. Ф. 29. Оп. 14. Д. 89. Л. 4.
- ⁸ Там же. Л. 6.
- ⁹ Там же. Л. 7.
- ¹⁰ Там же. Л. 9.
- ¹¹ Там же. Л. 11.
- ¹² Там же. Л. 8; Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 160.
- ¹³ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 157.
- ¹⁴ Там же. Л. 164; Ф. 29. Оп. 14. Д. 89. Л. 10.
- ¹⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 140, 150, 151.
- ¹⁶ Там же. Л. 156.
- ¹⁷ Там же. Л. 163.
- ¹⁸ Там же. Л. 182–186.
- ¹⁹ Там же. Ф. ВУА. Д. 498. Л. 130 об.–132.
- ²⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 189.
- ²¹ Там же. Ф. 29. Оп. 14. Д. 90. Л. 6; Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 197.
- ²² Там же. Ф. 29. Оп. 14. Д. 90. Л. 7–8; Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 199.
- ²³ Там же. Ф. 29. Оп. 14. Д. 91. Л. 2–3; Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 206.
- ²⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 210.
- ²⁵ Там же. Ф. 29. Оп. 14. Д. 92. Л. 3–5; Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 211.
- ²⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 159.
- ²⁷ Там же. Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 91.
- ²⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 208.
- ²⁹ Там же. Л. 200, 209.
- ³⁰ Там же. Л. 214 об.
- ³¹ Там же. Л. 216; Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 96.
- ³² Там же. Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 100.
- ³³ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 177.
- ³⁴ Там же. Л. 179.
- ³⁵ Там же. Л. 195.
- ³⁶ Там же. Л. 198.
- ³⁷ РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1261. Оп. 9. Д. 85. Л. 1.; Изв. Тамбов. учен. архив. комиссии. Вып. 56. Тамбов, 1915. С. 178–179.
- ³⁸ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 162.
- ³⁹ Там же. Л. 170–171.
- ⁴⁰ Там же. Л. 196.
- ⁴¹ Там же. Л. 200.
- ⁴² Там же. Л. 203–204.
- ⁴³ Там же. Л. 215.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 3. Л. 1–2.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 29. Оп. 14/207в. Д. 99. Л. 1; Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 3. Л. 3.

-
- ⁴⁶ Там же. Ф. 29. Оп. 14/ 207в. Д. 98. Л. 22.
⁴⁷ Там же. Д. 99. Л. 7, 9.
⁴⁸ Там же. Св. 76. Д. 100. Л. 14; Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 3. Л. 27.
⁴⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 3. Л. 11.
⁵⁰ Там же. Л. 14.
⁵¹ Там же. Л. 41; Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 102.
⁵² Там же. Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 103.
⁵³ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 3. Л. 41–43.
⁵⁴ Там же. Л. 44.
⁵⁵ Там же. Л. 47.
⁵⁶ Там же. Ф. 29. Оп. 14/207в. Св. 79. Д. 103. Л. 7; Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 3. Л. 54.
⁵⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 3. Л. 57–59.
⁵⁸ Там же. Л. 73.
⁵⁹ Там же. Л. 60.
⁶⁰ Там же. Л. 105.
⁶¹ Там же. Л. 106, 108.
⁶² Там же. Л. 109.
⁶³ Там же. Л. 125.
⁶⁴ Там же. Л. 119–120.
⁶⁵ Там же. Л. 123–124.
⁶⁶ Там же. Л. 126.
⁶⁷ Там же. Л. 134.
⁶⁸ Там же. Л. 135–136.
⁶⁹ Там же. Л. 138.
⁷⁰ Там же. Л. 137.
⁷¹ Там же. Л. 121–122; Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 108.
⁷² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 3. Л. 127–128; Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 106.
⁷³ Там же. Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 111.
⁷⁴ Там же. Л. 114.
⁷⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 3. Л. 143.
⁷⁶ Там же. Л. 144.
⁷⁷ Там же. Л. 147.
⁷⁸ Там же. Л. 148–149.
⁷⁹ Там же. Л. 152–153.
⁸⁰ Там же. Ч. 2. Л. 60.
⁸¹ Там же. Ч. 3. Л. 48–50.
⁸² Там же. Л. 61.
⁸³ Там же. Ф. 29. Оп. 14/207 в. Св. 80. Д. 104. Л. 7.
⁸⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 3. Л. 69.
⁸⁵ Там же. Л. 79–83.
⁸⁶ Там же. Л. 101.
⁸⁷ Там же. Ч. 4. Л. 1, 11.

- ⁸⁸ Там же. Л. 12.
- ⁸⁹ Там же. Л. 13.
- ⁹⁰ Там же. Л. 22.
- ⁹¹ Там же. Л. 30–32.
- ⁹² Там же. Л. 33–34.
- ⁹³ Там же. Л. 35, 36.
- ⁹⁴ Там же. Л. 37–41.
- ⁹⁵ Там же. Л. 42.
- ⁹⁶ Там же. Л. 47.
- ⁹⁷ Там же. Л. 48.
- ⁹⁸ Там же. Л. 49.
- ⁹⁹ Там же. Л. 51.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 3.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 4; Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 114.
- ¹⁰² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 4. Л. 910.
- ¹⁰³ Там же. Л. 17–18.
- ¹⁰⁴ Там же. Л. 21, 25.
- ¹⁰⁵ Там же. Л. 26–27.
- ¹⁰⁶ Там же. Л. 28.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 43.
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 29.
- ¹⁰⁹ Там же. Ч. 2. Л. 67, 119, 153.
- ¹¹⁰ Там же. Ч. 3. Л. 87–88.